

Л.Н. Корнильева (Сахновская)

ИСТОРИИ О МОНАРХАХ МИРА И ИХ ОКРУЖЕНИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Р.САУТИ

Изучение образов монархов в творчестве Р. Саути никогда не являлось одним из приоритетных направлений для научных исследований, вне зависимости от времени и географии их появления. Отчасти причиной тому стала осведомлённость учёных о юношеском увлечении поэта идеей создания *пантисократического* поселения, которое он с друзьями хотел создать сначала в Америке, а затем в Уэльсе. Отметим, что в тезаурусах и этимологических словарях английского языка даже указывается, что само слово «пантисократия» было введено в обиход Р. Саути:

***pantisocracy*–n**

a community, social group, etc, in which all have rule and everyone is equal

[C 18]coined by Robert Southey (1774-1843), English poet: from Greek, from PANTO- + isos equal + -CRACY[25].

Временем же появления данного существительного считается 1794 год:

***pantisocracy*–n**

"ideal Utopian community in which all have equal rights," 1794, lit. "equal rule of all," from Gk. pant-, comb. form of pantos, gen. of pan "all" + isocratia "equality of power"[24].

Это давало возможность справедливо утверждать, что поэт желал общества, где не было бы места таким реалиям, как власть короля и главенство церкви, где собственность должна была стать общей, а право – равным для всех. Данное утверждение порой подкреплялось ещё и отдельными антимонархическими высказываниями поэта, которые встречаются в его произведениях. Именно по причине того, что исследования в этом аспекте строились преимущественно на основе биографических данных поэта, а не на анализе текстов, многие учёные ограничились подобными наблюдениями, которые были впоследствии широко растиражированы и повторялись из работы в работу. Вследствие этого создалось впечатление, что истории отдельных монархов и монархий традиционно находились вне плоскости творческого поиска поэта вплоть до момента его вступления в должность поэта-лауреата, когда Р. Саути «изменил идеалам юности». Общий итог в научных работах был таков, что оды королю Георгу III и множественные посвящения по случаю важных событий при дворе Р. Саути писал исключительно по долгу службы, и искать художественную ценность в таких произведениях не стоит.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что даже в так называемых «хвалебных» одах и одах, приуроченных, скажем, к официальным визитам монарших особ, можно найти и изучать примеры совершенно

беспристрастных описаний монархов и правящих династий в целом, которые к современной поэту эпохе не имели никакого отношения (Король Эдвард VI–сын Генриха VIII, династия Стюартов и т. д.)

Иногда интерес представляет и то, как это сделано с художественной точки зрения, т. к. порой Р. Саути искал не только оригинальные стилистические приёмы, но и новые слова, которые бы наиболее точно характеризовали отдельных правителей, как это произошло в случае с Наполеоном, применительно к которому поэт использовал придуманное им слово:

***autocrat*–n**

1803, from Fr. autocrate, from Gk. autokrates "ruling by oneself," from autos-"self" (comb. form) + kratia "rule," from kratos "strength, power" (see -cracy). First used by Robert Southey, with reference to Napoleon. An earlier form was autocrator (1789), used in ref. to the Russian Czars. Earliest form in Eng. is the fem. autocratress (1762)[23].

Не будет преувеличением сказать, что уже с момента первых литературных проб размышления Р. Саути о монархах мира неизменно находили отображение в его творчестве, объединяя как знаковые работы данного автора, будь то стихи или проза, так и менее известные читателю, не столь хорошо изученные учёными, а также совсем незначительные по своему объёму произведения, которые вообще редко становились предметом научного исследования.

Именно такие стихотворения и поэмы будут проанализированы в данной работе с целью ещё раз проиллюстрировать положение о том, что литературное наследие Р. Саути является целостным организмом, который наделён присущими только ему отличительными чертами.

В самом начале исследования представляется необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что в своих произведениях Р. Саути неизменно ожидает от читателя знания мировой истории, литературы, особенностей культурного развития отдельных стран и т. д., от которого в конечном итоге и будет зависеть степень понимания поэтического текста. Описания монархов и их окружения не являются исключением из этого правила, что прослеживается даже в тех случаях, когда властители мира удостоиваются лишь простого упоминания:

*Poor Master Edward, who is now a corpse, // When but a child, would come to me
and lead me // To the great family tree, and beg of me // To tell him stories of his
ancestors; // Of Eustace, **he that went to the Holy Land** // **With Richard Lion-heart,**
and **that Sir Henry**, // **Who fought at Crecy, in King Edward's wars**; // And then his
little eyes would kindle so // To hear of their brave deeds ! I used to think // The bravest
of them all would not out-do // My darling boy [21; 244].*

(The Last of the Family)

*But, Humphrey, sure thou never canst have known//The comforts of a little home
thine own://A home so snug, so cheerful, too, as mine;/'Twas always clean, and we
could make it fine;//For there King Charles's golden rules were seen,//And there—
God bless 'em both—the king and queen[21;213-214].*

(The Convicts of New South Wales)

И если в первом случае достаточно быть знакомым с историей Англии, то во втором, когда речь идёт о двенадцати золотых правилах короля Карла, поэт ожидает знания уже очень специфической информации о правилах поведения, которые иногда понимали как правила поведения за столом. Их авторство приписывают английскому королю Карлу I, хотя долгое время этот вопрос вызывал много споров и окончательное решение учёные приняли лишь после сопоставления написанного с той же информацией в другом литературном источнике и анализа английского языка, который оказался характерным для первой половины семнадцатого века. Карл I, прозванный за эти скупые, но содержательные строки, «английским Соломоном» кратко изложил (предположительно для своего сына Карла II), чего должно избегать, а именно: участия в спорах, всякого рода сравнений, поддержки каких-либо мнений, сообщения печальных новостей, пересказа жалоб, раскрытия секретов, слишком долгих рассказов, употребления табака, касательства государственных дел, заключения пари, злоупотребления здоровьем, а также долгого нахождения за столом во время приёма пищи[19].

Как видно, это очень высокая планка требовательности, с которой поэт подходит к своему читателю и, как следствие, в его описаниях монарших особ часто не достаёт детализации, пояснений, которые могли бы значительно облегчить понимание определённых событий, а также роли монархов в них.

Так, в «Разрушении Иерусалима» (*Destruction of Jerusalem*) Р. Саути схематично подаёт вызывающий жалость образ короля, к которому поэт обращается со следующими словами:

*And thou—thou miserable king—
Where is thy trusted flock,
Thy flock so beautiful,
Thy father's throne, the temple of thy God ?[21;268]
(Destruction of Jerusalem)*

Автор предоставляет читателю самостоятельно определить о ком идёт речь в произведении, т. к. он со своей стороны упомянул факт разрушения Иерусалима вавилонянами в период царствования этого монарха и обозначил суть трагических событий, произошедших с этим человеком:

*Repentance calls not back the past;
It will not wake again
Thy murdered sons to life,*

*Or bring back vision to thy blasted sight! [21;268]
(Destruction of Jerusalem)*

На основании этих данных можно сделать вывод о том, что Р. Саути имеет в виду царя Иудеи по имени Седекия (*Zedekiah*), с которым жестоко расправился могущественный правитель Вавилона Навуходоносор II, заколовший сыновей Седекии и всех князей Иудеи у него на глазах. Навуходоносор также ослепил Седекию и заковал его в медные кандалы. Затем он отвёл его в Вавилон и держал там до дня его смерти (2 Кн 25:4-7). Все эти события очень точно переданы в произведении Р. Саути, который считает всё случившееся с Седекией карой за то зло, которое он делал в глазах Бога:

*Thou wretched, childless, blind, old man—
Heavy thy punishment!
Dreadful thy present woes—
Alas, more dreadful thy remember'd guilt! [21;268]
(Destruction of Jerusalem)*

Действительно, этот монарх был покаран не только за собственные грехи и нежелание внять предостерегающим его пророчествам, но и за недостойное поведение правителей Иудеи, царствовавших как задолго до него, так и непосредственно перед ним (Иоахаз, Иоаким, Иехония).

В заупокойной песне по принцессе Шарлотте Уэльской (*Funeral Song for the Princess Charlotte of Wales*) также можно найти свидетельство того, сколь сильно Р. Саути полагается на знание читателем теперь уже истории Англии и её монархии. В этом произведении поэт даёт характеристику тех королей, которые покоятся в Виндзоре – месте, призванном стать последним пристанищем и для принцессы Шарлотты (её, скончавшуюся в родах в возрасте двадцати одного года, похоронили в королевской усыпальнице Св. Георга в Виндзорском замке [13]). Однако далеко не всегда Р. Саути пишет об упокоенных монарших особах с предельной ясностью и простотой. В качестве примера можно привести следующие строки:

*And here lies one whose tragic name//A reverential thought may claim; //The
murdered monarch, whom the grave, //Revealing its long secret, gave //Again to sight,
that we may spy //This comely face, and waking eye; //There, thrice fifty years it
lay, //Exempt from natural decay, //Unclosed and bright, as if to say, //A plague, of
bloodier, baser birth //Than that beneath whose rage he bled, //Was loose upon our
guilty earth; //Such awful warning from the dead //Was given by that portentous
eye; //Then it closed eternally [21;456].
(Funeral Song for the Princess Charlotte of Wales)*

Таким образом, поэт не считает нужным прямо заявить, что рассказывает он в данном отрывке о Карле I, авторе тех самых двенадцати золотых правил, –

короле из династии Стюартов, который впервые за всю историю Англии предстал перед судом, а затем был казнён. Р. Саути говорит об уважении, которое вызывает самоё имя монарха. Это вполне оправдано, т.к. известно, что, будучи несправедливо приговорённым к смерти, умирал он с достоинством и храбро, до последней минуты отстаивая абсолютизм собственной власти. Даже палач, подняв его отрубленную голову, не посмел сказать традиционные слова о том, что это голова предателя, а толпа людей застыла в ужасе от содеянного парламентариями на их глазах. Беспрецедентным было и то, что голову казнённого монарха затем пришили и позволили достойно с ним проститься, захоронив в Виндзоре, в часовне Генриха VIII[9].

В этом историческом контексте иносказательное утверждение Р. Саути о том, что король пал от «чумы более низкого, подлого происхождения», следует соотнести с инициатором данной расправы – Оливером Кромвелем. Из конкретных же фактов, призванных помочь правильно идентифицировать этого монарха, указан лишь тот, что на момент похорон Шарлотты прах его уже покоился сто пятьдесят лет (*There, thrice fifty years it lay*). Если читателю известно, что молодая принцесса умерла 6 ноября 1817 года, то отняв число сто пятьдесят, получим 1667. Однако цифра сто пятьдесят, конечно же, была поэтом округлена, т. к. точной датой казни Карла I является 1649 г. С того момента Англия начала новый отсчёт истории уже не как монархия, а как республика, которой пришёл конец в 1660 г. с восстановлением монархии и коронацией сына Карла I – Карла II.

При этом следует подчеркнуть, что для понимания историй монархов, написанных Р. Саути, недостаточно лишь уметь идентифицировать того или иного короля, имя которого не названо. Ярким тому примером являются строки из стихотворения «Полтавская битва» (*The Battle of Pultowa*) в котором, предвещая будущий крах и позор шведскому королю Карлу XII, Р. Саути безо всяких подробностей связывает это грядущее возмездие с фамилией Паткуль. Отметим, что этот человек к полтавскому сражению не имел никакого отношения, хотя и был вовлечён в противостояние двух монархов – юного и амбициозного Карла XII (1682-1718), который, взойдя на шведский престол в 1697 г., поставил себе цель приумножить завоевания своего прадеда Карла IX (1550-1611), а также русского царя-реформатора Петра I, коронованного в 1682 г., которому захватническая кампания шведов дала желанный повод для возвращения России выхода в Балтику. Итак, в произведении Р. Саути сказано следующее:

<...>

Patkul thou art avenged!

Long years of idleness

That restless soul must bear,

***Patkul thou art avenged!* [21;350]**

(The Battle of Pultowa)

Объяснение смысла этих строк следует начать с того, что И. Паткуль некогда состоял на шведской военной службе и в [1689 году](#) был членом лифляндской депутации, ходатайствовавшей перед [Карлом XI](#) о восстановлении прав и привилегий лифляндского дворянства. Своей деятельностью Паткуль возбудил ненависть короля Карла XI и за резкое осуждение действий правительства был приговорён в [1694 году](#) к отсечению правой руки и [конфискации имущества](#), но успел бежать.

После того, как ходатайства перед [Карлом XII](#) об отмене приговора остались тщетными, Паткуль поступил в [1698 году](#) на службу к курфюрсту саксонскому и королю Польши [Августу Сильному](#) и, будучи послан в Москву, способствовал заключению [Преображенского союзного договора](#) между Саксонией, Польшей и Россией против Швеции. Не поладив с приближёнными курфюрста, Паткуль в [1702 году](#) перешёл на службу к [Петру I](#). Весь поглощённый мыслью о мести шведскому королю, о пользе России он вовсе не думал и во многом шёл вразрез с намерениями Петра.

Выполняя одно из поручений русского царя, Паткуль был арестован 20 декабря 1705 по решению министров Саксонского тайного совета. Согласно альтранштедтскому миру между Швецией и Саксонией (1706) Паткуля решено было выдать Карлу XII. Несмотря на то, что [Август II](#) тайно приказал дать Паткулю возможность бежать, пленник не спасся, т.к. комендант крепости [Кенигштейн](#) непременно хотел получить с него выкуп. Дело затянулось до тех пор, пока в крепость вступил шведский отряд, и 7 апреля 1707 года Паткуль был закован в цепи. В октябре, по обвинению в измене, он был [колесован](#) живым, а затем [четвертован](#) [10]. У Р. Саути об этой казни, которая стала несмываемым пятном на репутации шведского короля сказано следующее: *The despot's savage anger took thy life, // Thy death has stabb'd his fame.*

Некое противоречие со склонностью Р. Саути к подобной схематичности и недосказанности в описаниях составляет свойство поэта самым детальным образом разъяснять происхождение и/или общую суть тех историй, которые стали основой для его собственных произведений. Этим в значительной мере и обусловлены особенности манеры повествования, выбора образов, средств художественного описания и т.д. В отношении монархов эту закономерность можно проиллюстрировать на материале «Триумфа женщины» (*The Triumph of Woman...*), где в подзаголовке указано, что произведение основывается на событиях из третьей и четвёртой глав книги Ездры. Отметим, что эта Ветхозаветная книга относится к апокрифам, т. е. произведениям позднеиудейской и раннехристианской литературы, не вошедшими в совокупность книг Библии, признаваемых церковью богодухновенными. Из этого следует, что мы не найдём хроники событий из данной книги в самом библейском каноне, хотя от этого вышеупомянутый источник не становится менее ценным и интересным для изучения. История, творчески переосмысленная Р. Саути в «Триумфе женщины», присутствует, к примеру, в обширном сочинении «Иудейские древности», принадлежащем перу

древнееврейского историка и военачальника Иосифа Флавия[8]. А об авторитетности его работ свидетельствует уже тот факт, что труды И. Флавия приводились в качестве свидетельства [смерти Иоанна Крестителя](#), побиения камнями [Иакова](#), брата Господня, а также [распятия Иисуса Христа](#).

Следование букве первоисточника обусловило наличие в анализируемом стихотворении Р. Саути упоминаний о реально существовавших монархах древнего мира. Одним из них является персидский царь Кир(Кир II (?-530 до н. э.)), именуемый ещё Великим. Начиная с 558 г. до н.э. он был первым монархом государства Ахеменидов, основателем династии древне-персидских царей [2;91,584]. С его именем связано окончание так называемого «Вавилонского плена», который для евреев продлился с 586 по 539 гг. до н. э. – от насильственного их переселения в Вавилонию после взятия Иерусалима вавилонским царём Навуходоносором II и до возвращения в Палестину после завоевания Вавилонии Кирием II [2;187]. Кратко эти события Р. Саути изложил следующим образом:

*Whilst Cyrus triumphed here in victor state
A brighter prospect cheered our exiled fate,
Our sacred walls again he bade us raise,
And to Jehovah rear the pile of praise[21;193].
(The Triumph of Woman...)*

Кроме того, на контрасте, поэт очень лаконично даёт характеристику правления Дария I и Артаксеркса I:

*" Opprest by Artaxerxes' jealous reign,
We vainly pleaded here, and wept in vain.
Now when Darius, chief of mild command,
Bids joy and pleasure fill the festive land, ...[21;193].
(The Triumph of Woman...)*

Однако, несмотря на верно подмеченные поэтом особенности царствования этих двух монархов, Артаксеркс I (465-424), на самом деле, правил позже Дария I(522-486), а не раньше его, как это следует из вышеприведённой цитаты Р. Саути и самой книги Ездры. Нельзя однозначно утверждать, что подобное нарушение хронологического порядка со стороны поэта явилось следствием его неосведомлённости в данном вопросе или же, напротив, было продиктовано желанием максимально приблизить повествование к оригинальной версии развития событий. С уверенностью можно говорить лишь о том, что факт нарушения хронологии в ходе изложения событий древней истории является научно доказанным, хотя среди учёных до сих пор не утихают дискуссии по поводу причин, его обусловивших. Никто из историков не ставит под сомнение первоочерёдность правления Дария I по отношению к Артаксерксу I, приводя аргументы в пользу того, что в книге Ездры не могла идти речь о Дарии II, Артаксерксе II или Артаксерксе III. Наиболее вероятное объяснение этому

феномену исследователи усматривают в наличии у монархов сразу нескольких имён, трудности с транслитерацией которых и внесли определённую путаницу в очердность престолонаследования[17].

Выдерживая дух и стиль первоисточника, Р. Саути описывает, как царь Дарий в окружении вельмож внимал речам трёх телохранителей, поочередно дающих свои ответы на вопрос что есть самое могущественное на свете - вино, цари, женщины, или истина? Поэт в стихотворной форме очень точно передаёт смысл речей всех трёх ораторов. Так, к примеру, второй телохранитель, который охарактеризовал царское могущество как наивысшую силу среди всех, превосходящую силу физическую и силу ума, руководствовался тем, что над людьми, которым подчиняется всё живое на земле и в море, властвуют, в свою очередь, цари. Поэтому естественно, что владыка над владыкой является недостижимым по силе и могуществу. Подданные вынуждены ради царей безропотно идти на войну, а порой и на смерть, убивать других и нести своему царю то, что добыто в военных походах или же выращено честным трудом. Что бы царь ни пожелал или ни приказал, все это тут же исполняется и т. д.

У Р. Саути:

<p><i>When the wearying cares of state Oppress the monarch with their weight, When from his pomp retired alone He feels the duties of the throne, Feels that the multitude below Depend on him for weal or woe; When his powerful will may bless A realm with peace and happiness, Or with desolating breath Breathe ruin round, and woe, and death: O give to him the flowing bowl, Bid it humanize his soul; He shall not feel the empire's weight, He shall not feel the cares of state, The bowl shall each dark thought beguile, And nations live and prosper from his smile[21;195-196].</i></p>	<p><i>Where is the king who, with elating pride, Sees not this man—this godlike man his slave? Mean are the mighty by the monarch's side, Alike the wise, alike the brave With timid step and pale, advance, And tremble at the royal glance; Suspended millions watch his breath Whose smile is happiness, whose frown is death[21;197]. The king commands, the peasant goes, From all he loved on earth he flies, And for his monarch toils, and fights, and bleeds, and dies[21;197]. (The Triumph of Woman...)</i></p>
--	---

Слова третьего телохранителя—Зоровавеля— о могуществе женщины, сильнее которой только истина, были признаны публикой наиболее убедительными, и именно они объясняют смысл названия произведения Р. Саути. Поэтому не

случайно, что поэт особое значение придал отрывку из первоисточника, где Зоровавель рассказывал, как влюблённый царь Дарий не противится вольностям, допускаемым по отношению к нему его наложницей:

I Esdras 4:28 And now do ye not believe me? is not the king great in his power? do not all regions fear to touch him? 4:29 Yet did I see him and Apame the king's concubine, the daughter of the admirable Bartacus, sitting at the right hand of the king, 4:30 And taking the crown from the king's head, and setting it upon her own head; she also struck the king with her left hand. 4:31 And yet for all this the king gaped and gazed upon her with open mouth: if she laughed upon him, he laughed also: but if she took any displeasure at him, the king was fain to flatter, that she might be reconciled to him again[15].

В этой мягкости по отношению к любимой женщине проявилась ещё одна грань характера властного монарха, который, как известно из истории, успешно проводил административные, налоговые и другие реформы, осуществлял значительное строительство, что, в результате, вылилось в период наивысшего могущества Ахеменидов[2;364].

Однако, по мнению Р. Саути, наибольшим проявлением божьего благоволения к Дарию было не суммарное количество всех его побед и свершений, а ниспосланная монарху любовь красавицы Апамы:

*Yes, King of Persia, thou art blest;
But not because the sparkling bowl
To rapture lifts thy wakened soul.
But not because of power possesst,
Not that the nations dread thy nod,
And princes reverence thee their earthly God.
Even on a monarch's solitude
Care, the black spectre, will intrude,
The bowl brief pleasure can bestow,
The purple cannot shield from woe.
But, King of Persia, thou art blest,
For Heaven, who raised thee thus the world above,
Has made thee happy in Apame's love![21;199].
(The Triumph of Woman...)*

В этой связи следует подчеркнуть, что, как и из всех звуков, существующих в природе, Р. Саути на особую высоту поднял лишь голос любви, так и из многих ценностей, данных человеку, главными он всегда считал любовь и простые радости у домашнего очага. Размышляя о любви на страницах своих произведений, Р. Саути часто писал о том, куда это чувство может привести

человека, что с ним сделать и как изменить судьбы окружающих людей. Поэтому образ влюблённого монарха в его творчестве не единичен.

История Карла Великого – короля франков, а затем и императора, который, будучи уже стариком, отказался хоронить свою умершую возлюбленную, была художественно переосмыслена Р. Саути в стихотворении «*Король Шарлемань*» (*King Charlemagne*). Действительно, в истории зафиксировано немало случаев, когда мужчины и женщины, в том числе монаршие особы, были влюблены в трупы. Тиран Периандр, к примеру, жил с мёртвой Мелиссой, царь Ирод семь лет не хоронил свою жену Мариамну, а королева Кастилии Хуана Безумная несколько лет держала возле себя труп своего мужа Филиппа I Прекрасного[11],[12],[18]. Поэтому Карл Великий, забросивший все государственные дела и большую часть своего времени проводивший рядом с телом Агаты – своей любовницы-немки, именуемой Р. Саути женой монарха, был в этой своей слабости не одинок.

В своём произведении Р. Саути подчеркнул, что подобное поведение Карла Великого вызывало бурю негодования среди его подданных:

*'T was strange that he loved her, <...>
The court was a desert if she were not there,
She only was lovely, she only was fair,
Such dotage possess'd Charlemagne[21;299].*

*The soldier, the statesman, the courtier, the maid,
Alike this their rival detest;[21;300]
(King Charlemagne)*

Поэтому, воспользовавшись отлучкой короля, архиепископ обыскал тело женщины с целью найти некий заколдованный предмет, который был причиной помутнения рассудка у монарха. Найдя кольцо под языком Агаты, прелат достал его и надел себе на палец. Этот неосторожный жест священнослужителя способствовал тому, что влюблённость Карла Великого, наконец-то освобождённого от чар Агаты и давшего согласие на захоронение своей любимой, сосредоточилась теперь на нём. Бросив ненавистное кольцо в озеро, архиепископ невольно обрек короля на бесконечно нежную привязанность к этому месту:

*Overjoy'd, the old prelate remembered the spell,
And far in the lake flung the ring;
The waters closed round it, and wond'rous to tell,
Released from the cur'sed enchantment of hell,
His reason returned to the king[21;302].*

(King Charlemagne)

Строки стихотворения, где сказано, что король установил своё царство вблизи залива (*But he built him a palace there close by the bay, // And there did he 'stablish his reign;*) отображают ту истину, что Аахен/Ахен – город и бальнеологический курорт на западе Германии в северной Рейн-Вестфалии стал северной столицей империи Шарлеманя и его постоянной резиденцией в последние годы жизни. Полное французское название Аахена “*Aix-la-Chapelle*”, в сокращённой форме появляется в произведении Р. Саути несколько раз:

Now merriment, joyaunce, and feasting again // Enlivened the palace of Aix [21;301]

And now all apparell'd in costly array, // Exulting they come to the palace of Aix, [21;301]

And the traveller who will, may behold at this day // A monument now in the ruins at Aix // Of the spell that possess'd Charlemagne [21;302]

Легенда переплетается с реальностью и в том, что, действительно, Карлу Великому очень нравилось париться в природных горячих источниках, и он упражнял тело частым плаванием[7].

Произведение Р. Саути «*Розамунда Клиффорд Генриху II. После того, как она постриглась в монахини*» (*Rosamund De Clifford To King Henry II. After She Had Taken The Veil*) интересно тем, что история любви венценосной особы и английской красавицы рассказывается от лица самой пассии короля, и именно через призму её восприятия читатель формирует своё суждение о ней самой и о монархе.

Волею судьбы эта женщина, облик которой нам помогают представить работы У. Б. Скотта, А. Хьюза, Д. Г. Россетти, М. Е. Макомбера, В. К. Уортнера и др., стала любовницей Генриха II Плантагенета, правившего Англией в XII в. В этой связи следует отметить, что во многих сборниках стихов Р. Саути, включая здесь цитируемый, как в заглавии, так и по всему тексту стихотворения, ошибочно значится король Генрих III, который с Джоан Клиффорд (её настоящее имя) не имел ничего общего.

Своё второе имя она получила от латинского “*Rosa Mundi*” — «*прекрасная роза мира*». Именно как Розамунда Клиффорд она и предстаёт в произведении Р. Саути. Образ чистой и прекрасной молодой женщины с трагической судьбой настолько пленил воображение поэта, что он посвятил ей не одно своё произведение. История любви Генриха и Розамунды, неоднократно воспетая в английских песнях и балладах, была сопряжена со множеством противоречивых фактов из их жизни, что отчасти объясняет интерес к этой теме со стороны Р. Саути, любившего легенды Средневековья.

Согласно одним источникам Розамунда была девушкой из простой бедной семьи, снискавшей любовь монарха благодаря своей неземной красоте. По другим данным её родителями были лорд Уолтер де Клиффорд и его жена Маргарет Исабель де Тосни. У её семьи было влиятельное имя и богатые владения[5].

В произведении Р. Саути поэт не отказывает ей в знатном происхождении (*Dishonour fix'd on Clifford's ancient name, // A father sinking to the grave with shame;*), показывая сколь бесчестно король поступил с дочерью верного подданного:

*Thine, Henry, is the crime: 'tis thine to bear
The aggravated weight of full despair;
To wear the day in woe, the night in tears,
And pass in penitence the joyless years;
Guiltless in ignorance, my love-led eyes
Knew not the monarch in the knight's disguise:
Fraught with deceit, th' insidious monarch came,
To blast his faithful subject's spotless name;
To pay each service of old Clifford's race
With all the keenest anguish of disgrace! [21; 170]*

Р. Саути прямо обвиняет короля в том, что из-за него разбилась мечта девушки стать законной супругой и матерью, из-за него на её репутации появилось несмываемое пятно:

*The dreams of bliss are vanish'd from his view,
The buds of hope are blasted all by you;
Thy child, O Clifford! bears a mother's name,
A mother's anguish, and a harlot's shame;
Even when her darling children climb her knee,
Feels the full force of guilt and infamy! [21; 169]*

Современные историки предполагают, что будущие любовники впервые увидели друг друга в замке Клиффорд в 1163 г. во время одной из военных кампаний в Уэльсе, а их постоянная связь началась примерно в 1166 г., когда королева Элеонора была беременна своим последним ребёнком, будущим королём Иоанном Безземельным.

Одни учёные придерживаются мнения, что появиться ребёнок должен был в Вудстоке, поэтому и находят более чем сомнительным отождествление замка с местом пребывания королевской любовницы [5].

Другие исследователи полагают, что Генрих, опасаясь козней своей коварной и ревливой жены королевы Элеоноры Аквитанской, приказал построить для Розамунды тайное убежище в Вудстоке, графство Оксфордшир, которое и упоминается в стихотворении Р. Саути:

*Oft will remembrance, in her painful hour,
Cast the keen glance to **Woodstock's lovely bower**;
Recall each sinful scene of life to view,
And give the soul again to guilt and you.
Oh! I have seen thee trace the bower around,
And heard **the forest echo Rosamund**:[21;172-173]*

Как видно из этого отрывка, поэт упоминает зелёные массивы, окружавшие обитель Розамунды. В этой связи следует отметить, что существует предание, согласно которому король окружил дворец садом в виде непроходимого лабиринта и приставил там своё доверенное лицо—рыцаря сэра Томаса, у которого хранилась серебряная нить, с помощью которой можно было без труда пройти к центру лабиринта, где жила прекрасная Розамунда.

В произведении Р. Саути возлюбленная Генриха II, раскаявшаяся в своём грехе, но от того не переставшая любить этого монарха, постриглась в монахини. Это явствует как из самого названия произведения, так и из его содержания:

Why heaves my love-lorn breast the impious sigh?//Down, bosom! down, and learn to heave in prayer;//Flow, flow, my tears, and wash away despair://Ah, no! still, still the lurking sin I see,//My heart will heave, my tears will fall for thee.//Yes, Henry! through the vestal's guilty veins,//With burning sway the furious passion reigns;//For thee, seducer, still the tear will fall,//And love torment in **Godstow's hallow'd wall**[21;168].

Или:

*Harlot, adulteress, each detested name,
Stamps everlasting blots on Clifford's fame!
How can this wretch prefer the prayer to Heaven?
How, self-condemned, expect to be forgiven?*[21;171]

Таким образом, Р. Саути не верил бытующей легенде о том, что когда монарху пришлось отлучиться во Францию, с целью в очередной раз сразиться со своим мятежным сыном Ричардом, он не внял просьбам Розамунды взять её с собой в военный поход, находя их неуместными. Тем временем королева Элеонора, зная об этой любовной связи своего супруга, выведала путь к центру лабиринта и, пользуясь отлучкой короля, проникла в тайное убежище его любовницы. По преданию, Элеонора убила сэра Томаса и завладела серебряной нитью. Следуя за ней, она нашла Розамунду и предложила возлюбленной монарха выбор – смерть от кинжала или яда. Розамунда предпочла яд[6].

Интересно отметить, что картины, созданные такими художниками, как А. Ф. Сандис, Ф. К. Купер, Д. У. Уотерхауз, Э. де Морган, Э. Берн-Джонс подтверждают версию о насильственной смерти Розамунды от руки супруги короля. Однако веских доказательств в пользу подобного развития событий учёными найдено не было. Напротив, считается, что в 1174 г. Генрих отправил некогда любимую жену в тюрьму за участие в восстании принцев и стал открыто демонстрировать свои отношения с Розамундой Клиффорд. Элеоноре предстояло провести в заключении долгих шестнадцать лет, поэтому любовникам опасаться чьей-либо ревности не было нужно. Не известно, как и почему закончилась связь Генриха и Розамунды, но незадолго до своей смерти в 1176г. Розамунда удалась в монастырь Годстоу, в котором и была захоронена рядом с алтарём. По приказу епископа Линкольна в 1191 г. тело было извлечено и, по-видимому, перезахоронено в доме собрания каноников. В годы правления Генриха III и его антиклерикальной кампании, могила была уничтожена[5].

Отношениям Генриха II и Розамунды Клиффорд Р. Саути посвятил ещё одно своё произведение под названием «Мемориальной плите в женском монастыре Годстоу» (*For A Tablet At Godstow Nunnery*). В этом посвящении поэт, в свойственной ему манере находить нечто общее между жизнью людей и существованием растительного мира, проводит параллель между красивым на вид, но полым внутри плодом лесного ореха, произрастающим на могиле Розамунды, со столь же пустой по сути жизнью красивой девушки, соблазнённой монархом. Горьким раскаянием и беспрестанными молитвами были отмечены последние годы её жизни, которая могла пройти совершенно по-другому. Поэтому основная идея данного произведения – на примере этой печальной истории научить юношей уважению по отношению к слабому полу, наличие которого не позволит им ломать судьбы молодых женщин:

*HERE, stranger, rest thee! from the neighbouring towers
Of Oxford, haply thou hast forced thy bark
Up this strong stream, whose broken waters here
Send pleasant murmurs to the listening sense:
Rest thee beneath this hazel; its green boughs
Afford a grateful shade, and to the eye
Fair is its fruit: stranger! the seemly fruit
Is worthless, all is hollowness within,
For on the grave of Rosamund it grows!
Young, lovely, and beloved, she fell seduced,
And here retired to wear her wretched age
In earnest prayer and bitter penitence,
Despised and self-despising: think of her,
Young man, and learn to reverence womankind![21;445]*

Именно отсутствие должного уважения к женщине, столь порицаемое Р. Саути, поразило поэта, возможно, ещё и потому, что даже на надгробной плите Розамунды в Годстоу, расположенном на небольшом островке между двумя рукавами Исиса, в церковном приходе Вулверкот, близ Оксфорда эпитафия по-латыни, которую монарх приказал выгравировать, цинично гласила:

*Hic jacet in tumba Rosa Mundi, non Rosamunda,
Non redolet, sed olet, redolere solet.*

*Здесь покоится не Роза Целомудрия, а Роза Красоты,
Но аромат её испарился и сменился смрадом тления [6].*

Этот пример является доказательством того, что в своём творчестве Р. Саути порой обличает королей, и, как будет видно далее, не делает различия между монаршими особами Англии и представителями других королевских династий мира. В основу стихотворения «*Варфоломеевская ночь*» (*St. Bartholomew's day*) положены события в Париже, где в ночь с 23 на 24 августа 1572 г. произошла расправа католиков над гугенотами. Однако в центре авторского внимания всё же не разворачивающиеся во времени и пространстве зверства, а движения души монарха Карла IX, сына Екатерины Медичи:

*The monarch from the window leans,
He listens to the night,
And with a horrible and eager hope
Awaits the midnight bell.*

*Oh, he has hell within him now!
God, always art thou just!
For innocence can never know such pangs
As pierce successful guilt[21;350].*

Для Р. Саути не представляется возможным умалять степень личной ответственности властителя Франции за ту кровавую резню, которая была инициирована всё же не Карлом, а его матерью, Екатериной Медичи. Однако сам автор стихотворения, как и подобает поэту-романтику, своего героя не судит, а в очередной раз подчёркивает, что король, являющийся верховным правителем в государстве и традиционно считавшийся наместником Бога на земле, ему одному за свои поступки и даст ответ(ср. с *A Vision of Judgement*):

*Thy hand is on him, righteous God!
He hears the frantic shriek,*

*He hears the glorying yells of massacre,
And he repents too late.*

<...>

*Righteous and just art thou, O God!
For at his dying hour
Those shrieks and groans re-echoed in his ear
He heard that murderous yell![21;350-351]*

В другом своём стихотворении «Король Генрих V и отшельник из Дрё» (*King Henry V and the Hermit of Dreux*) Р. Саути повествует, как кара небесная постигла Генриха V, столь любимого англичанами монарха. Храбрый и необыкновенно удачливый в своих притязаниях на корону Франции, король-завоеватель внезапно умер в молодом возрасте от какой-то непонятной болезни. Причиной тому, как полагает поэт, – божье возмездие за его незаконные посягательства на трон другого государства, повлекшие за собой разорение и гибель тысяч невинных людей:

*Thou conqueror King, repent in time,
Or dread the coming woe;
For, Henry, thou hast heard the threat,
And soon shalt feel the blow[21;297].*

В произведении Р. Саути Генриха V о грозящей ему опасности в случае продолжения им боевых действий предупреждает простой отшельник, к которым, как известно из истории, в Англии того времени традиционно относились с почтением даже самые знатные люди. Именно это слово – «почтение» (*reverence*) подчёркивается Р. Саути как ключевое в ходе раскрытия отношения к отшельнику как со стороны солдат, так и со стороны короля. Поэтому нет элемента вымысленности в том, что отшельник, пришедший в лагерь англичан, был незамедлительно препровождён к английскому монарху, обратился к нему со столь смелыми речами и не был за это покаран:

<i>HE past unquestioned through the camp, Their heads the soldiers bent In silent reverence, or begg'd A blessing as he went; And so the hermit past along, And reach'd the royal tent.</i>	<i>King Henry lifted up his eyes The intruder to behold, With reverence he the hermit saw, For he was very old; His look was gentle as a saint's, And yet his eye was bold[21;295].</i>
--	--

<...>

В заключительном четверостишии этого произведения Р. Саути очень лаконично передал тот факт, что пророчество отшельника о грядущем возмездии королю свершилось:

*King Henry forced a careless smile,
As the hermit went his way;
But Henry soon remembered him,
Upon his dying day[21;297].*

Как видно уже из этих двух примеров, Р. Саути много внимания уделяет проблеме сосуществования на земле верховной власти Бога и власти отдельно взятого монарха, от которого тоже зависят судьбы миллионов подданных, что очень разнопланово трактуется в его произведениях. Поэт всегда обращает внимание на то обстоятельство, сколь бессилён человек, пусть даже и наделённый неограниченной властью, изменить волю Бога, которому подвластно абсолютно всё, включая самих людей и силы природы.

В этом контексте, прежде всего, следует упомянуть о произведении «*Марш на Москву*» (*The March To Moscow*), в котором повествуется о необыкновенно уверенном в себе и успешном в целом ряде своих предприятий императоре Наполеоне, пренебрежительно именуемом Р. Саути «*император Нап*» (*emperor Nap*). Поэт показывает, сколь ошибочным является тот путь, когда человек, забывая о Боге, полагается только на собственные силы, собственную мощь и власть, когда верит лишь в свою удачу, а на самом деле возносится очень высоко перед самым падением:

9.

*And then came on the frost and snow
All on the road from Moscow.*

***The wind and the weather he found in that hour
Cared nothing for him nor for all his power;
For him who, while Europe crouch'd under his rod,
Put his trust in his Fortune, and not in his God.***

*Worse and worse every day the elements grew
The fields were so white and the sky so blue,
Sacrebleu ! Ventrebleu !*

What a horrible journey from Moscow.

10.

What then thought the Emperor Nap

Upon the road from Moscow?[4;484](The March To Moscow)

Задаваться вопросом, а что же чувствовал тот или иной монарх в какой-то критический, переломный для него момент, очень характерно для Р. Саути, поэтому в целом ряде его произведений присутствует эта «остановка» мгновения с целью узнать и рассмотреть малейшие движения души венценосной особы. Порой очень сходны и выбираемые поэтом средства художественного описания. К вышеприведённому отрывку, к примеру, близки

строки, где описывается шведский король Карл XII, противостоящий, пусть и более успешно, чем Наполеон, столь же враждебным по отношению к нему силам природы:

*Him famine hath not tamed
The tamer of the brave;
Him winter hath not quell'd,
When man by man his veteran troops sunk down,
Frozen to their endless sleep,
He held undaunted on;
Him pain hath not subdued,
What though he mounts not now
The fiery steed of war,
Borne on a litter to the fight he goes[21;349].*

Характеризуя этого шведского короля, поэт так же, как и в случае с Наполеоном, перечисляет победы, которые Карл XII одержал над многими европейскими державами:

*Go, iron-hearted king!
Full of thy former fame.
Think how the humbled Dane
Crouch'd to thy victor sword;
Think how the wretched Pole
Resign'd his conquer'd crown ;
Go iron-hearted king![21;349]*

В этом контексте упоминается также и его триумф в битве при Нарве (*Let Narva's glory swell thy haughty breast—...*), которая ознаменовалась разгромом русских войск в ноябре 1700 года. Однако всё время повторяющийся императив «Иди, иди», не даёт читателю забыть о неизбежности грядущей встречи человека с Богом.

Примером того, насколько зависим монарх от воли высших сил, является и рассказанная Р. Саути история из жизни Марии Арагонской, которой он посвятил стихотворение «Выбор имени королевой Марией» (*Queen Mary's Christening*). В этом произведении повествуется о том, что королева, родив сына, мечтала наречь его самым лучшим христианским именем, для чего мысленно она обратилась к двенадцати апостолам, имя одного из которых, согласно знаку свыше, и должен был унаследовать новорожденный. Её личные симпатии сводились к имени Иаков, однако, помня о своём прощении, самовольно дать имя ребёнку она не решалась. Употребив свою власть на организацию как можно более пышной процедуры выбора имени, королева Мария со своего ложа наблюдала за тем, какая из двенадцати свечей с именами апостолов останется гореть, в то время как остальные одиннадцать погаснут.

Она всем сердцем надеялась, что всё сложится для её ребёнка наилучшим образом, т. к. столь любимое ею имя Иаков среди апостолов встречалось дважды. Тем не менее, королеву не оставляли опасения по поводу возможного жребия в пользу имени Иуда, которого она категорически сыну не желала. Сразу же отметим, что, действительно, среди учеников Христа было два Иакова— Иаков Зеведеев и Иаков Алфеев, называвшийся, в отличие от первого, меньшим. Однако Р. Саути намеренно обошёл своим вниманием тот факт, что изначально среди двенадцати апостолов было и два Иуды— Иуда Иаковлев, который также носил имена Левея и Фаддея, и Иуда Искарот (из города Кариота). Таким образом, Иуда Иаковлев в произведении Р. Саути не назван. Поэт заменил это имя упоминанием апостола Матфия, который стал одним из двенадцати апостолов после предательства Иуды Искариота и его гибели.

Сохраняя интригу, Р. Саути повествует о том, что догорели свечи с именами Пётр, Иоанн, Матфий, Матфей (Левий—Л.К.), Андрей, Филипп, Варфоломей, Симон (по прозвищу Кананит, иначе Зилот, что значит «ревнитель»—Л.К.), Фома. Остались Иуда и два Иакова, а затем догорела и свеча Иакова Меньшего. В этом эпизоде и показано, как королева, бессильная что-либо изменить, призвала на помощь Деву Марию. И тут, у всех на глазах случилось чудо: на огонёк от свечи с именем Иуда, горевшим значительно ярче в сравнении с почти затухшей свечой, зажжённой в честь Иакова, влетела из окна бабочка. Трепетание её опалённых крылышек в результате и заставило огонь погаснуть, оставив изумлённую публику наблюдать, как еле-еле, но тлеет свеча с именем Иаков:

Holy Mother preserve us!//The Queen her prayer renew'd ;//When in came a moth at the window//And flutter'd about St. Jude.//St. James hath fallen in the socket//But as yet the flame is not out,//And St. Jude hath singed the silly moth//That flutters so blindly about.//And before the flame and the molten wax//That silly moth could kill,//It hath beat out St. Jude with its wings,//And St. James is burning still !//Oh, that was a joy for Queen Mary's heart;//The babe is christened James;//The Prince of Aragon hath got//The best of all good names! [4;488]

(Queen Mary`s Christening)

Во многих своих произведениях Р. Саути демонстрирует не только свою осведомлённость в вопросах религии и знание библейского текста, но и проявляет себя, как истинный христианин. Как известно, Библия учит смирению, долготерпению и упованию на Бога, к чему и призывает Р. Саути. Так, к примеру, в посвящении под названием «Памятнику в Нью Форест» (*For a Monument in the New Forest*), Р. Саути достаточно подробно описывает жестокие деяния Вильгельма Завоевателя, герцога Нормандского, ставшего после победы в битве при Гастингсе (1066 г.) английским королём Вильгельмом I. Поэт показывает, сколько страданий перенесли люди по воле монарха, на протяжении нескольких лет после Нормандского завоевания

устанавливавшего повсеместно свою власть и новые законы путём дробного деления и передачи земель новым хозяевам, убийства и разорений. Однако в то же самое время Р. Саути не идёт на поводу у ярости, призывая людей уповать на справедливость божьего суда и молиться за своих правителей:

THIS is the place where William's kingly power//Did from their poor and peaceful homes expel,//Unfriended, desolate, and shelterless,//The habitants of all the fertile tract//Far as these wilds extend. He levelled down//Their little cottages, he bade their fields//Lie barren, so that o'er the forest waste//He might more royally pursue his sports !//If that thine heart be human, passenger!//Sure it will swell within thee, and thy lips//Will mutter curses on him. Think thou, then,//What cities flame, what hosts unsepulchred//Pollute the passing wind, when raging power//Drives on his bloodhounds to the chase of man;//And as thy thoughts anticipate that day//When God shall judge aright, in charity//Pray for the wicked rulers of mankind[21;439-440].

(For a Monument in the New Forest)

«Эпитафия по королю Иоанну» (*Epitaph On King John*), в свою очередь, даёт основания говорить о том, что Р. Саути говорит о необходимости видеть и замечать положительное даже там, где это весьма трудно. Начинается данное произведение следующим образом:

JOHN rests below. A man more infamous//Has never held the sceptre of these realms,// And bruised beneath the iron rod of power,//The oppressed men of England. Englishman!//Curse not his memory. Murderer as he was,//Coward and slave,...[21;442].

Характеристики монархов, отмеченные подобной эмоциональной окраской, являются отличительной чертой всего творчества Р. Саути. Логично, что данная особенность присуща, прежде всего, описаниям монарших особ в одах, среди которых, к примеру, лестные отзывы о принце-регенте Великобритании, императоре России и короле Пруссии, которые в 1814 г. выступили, как союзники (*Ode To His Imperial Majesty, Alexander The First, Emperor Of All The Russias; Ode To His Royal Highness The Prince Regent Of The United Kingdom Of Great Britain And Ireland; Ode To His Majesty, Frederick William The Fourth, King Of Prussia*) или же о жене Георга III–королеве Шарлотте (*Ode On The Death Of Queen Sharlotte*).

Однако примеры подобного рода можно найти в самых разнообразных по форме произведениях поэта. В «Заупокойной песне по принцессе Шарлотте Уэльской» Р. Саути комбинирует свою индивидуально-авторскую оценку этой молодой женщины и придуманную в народе метафору «дерево надежды» (*tree of hope*), которая, наряду с вариацией «росток надежды» (*bud of hope*), была в то время на устах скорбящих по ней англичан: (*In its summer pride arrayed//Low our Tree of Hope is laid; Windsor, in thy sacred shade//Is the Flower of Brunswick*

laid; Late with youth and splendour crown'd, // Late in beauty's vernal bloom, // Late with love and joyaunce blest; // Never more lamented guest // Was in Windsor laid to rest). Показательны также и строки поэта о других монархах, о которых идёт речь в этом же произведении. Среди них – сын английского короля Генриха V – Генрих VI, на которого легли тяжёлой ношей грехи его предков. Р. Саути подчёркивает кроткий нрав монарха, его набожность и незадачливость в политике (*Henry, thou of saintly worth, // Thou, to whom thy Windsor gave // Nativity, and name, and grave; // <...> // He, in spirit like a child. // Meek of heart and undefiled. // Patiently his crown resign'd. // And fix'd on heaven his heavenly mind // Blessing, while he kiss'd the rod. // His Redeemer and his God. // Now may he in realms of bliss // Greet a soul as pure as his*). В качестве примеров из того же источника можно привести и высказывания Р. Саути относительно Генриха VIII (*hateful Henry*), Анны Болейн и её дочери Елизаветы, в будущем Елизаветы I (*fatal daughter, fatal mother*). В «Полтавской битве» шведский король Карл XII охарактеризован как «швед с железным сердцем» (*The conqueror Charles, the iron-hearted Swede*).

Однако в случае с королём Иоанном, такая оценка его правления не является ни уникальной в своём роде, ни неожиданной. Она перекликается, к примеру, с характеристикой этого монарха, данной Ч. Диккенсом. В своей «Истории Англии для детей» он отметил, что если бы обыскали всю страну, то всё равно не нашли бы для королевского трона большего негодяя и подлого труса, чем Иоанн:

I doubt whether the crown could possibly have been put upon the head of a meaner coward or a more detestable villain if England had been searched from end to end to find him out [14;126].

Действительно, король Иоанн приобрёл крайнюю непопулярность у трёх основных слоёв общества, включающих буржуазию, аристократию и духовенство. Буржуазия страдала от непомерно высоких налогов, аристократы, в свою очередь, были вынуждены идти на беспрецедентные уступки перед монархом. Прежде всего следует упомянуть указ короля, согласно которому большую часть судебных разбирательств, ранее слушавшихся в судах английских дворян, следовало направлять в королевский суд, что лишало аристократов дополнительных доходов от судебных издержек. Когда дочь знатного вельможи выходила замуж, было принято платить королю определённую сумму денег, которую Иоанн тоже увеличил. Традиционно королю также платили деньги при вступлении в наследство, однако Иоанн увеличил размер и этих выплат. Кроме того, если владелец имения умирал или погибал, не оставив наследника, земли обычно отходили другой знатной семье. При Иоанне впервые за всю историю Англии эти земли должны были приносить доход именно ему, пока ресурсы не истощались. То же самое монарх проделывал и с епископствами. Последней каплей, переполнившей чашу

терпения английской знати, стала весть о том, что на их имущество в Нормандии посягнул король Франции. Иоанн, таким образом, вопреки основополагающему принципу феодализма, который состоит для монарха в том, чтобы защищать своих вассалов в обмен на их услуги, финансовую и военную поддержку, показал своё бессилие повлиять на ситуацию.

Кроме того, простой люд в то время был напуган решением Папы Римского закрыть все церкви страны, что считалось прямым путём в преисподнюю. Духовенство негодовало столь же сильно, т. к. ситуация эта была вызвана спором короля Англии Иоанна и папы Римского относительно кандидатуры Архиепископа Кентерберийского, по поводу которого они не могли достичь согласия[3;28].

Именно поэтому мнение Р. Саути об этом монархе до такой степени не лестно. Однако далее поэт написал:

*<...> yet he it was who signed
That charter which should make thee, morn and night,
Be thankful for thy birth-place: Englishman!
That holy charter, which, shouldst thou permit
Force to destroy, or fraud to undermine,
Thy children's groans will persecute thy soul,
For they must bear the burthen of thy crime[21;443].
(Epitaph On King John)*

Как видно из цитаты, поэт многое ему готов был простить за подписание Великой Хартии Вольностей – Магна Карты. Р. Саути усматривал в этом документе символ свободы, хотя в реальности ничего для простых людей не изменилось, а сам Иоанн I вскоре отрёкся от своих обещаний, пусть и закреплённых в письменной форме. Однако справедливо то, что это была знаковая хартия, обозначившая конец феодализма. Как известно, все последующие монархи, восходившие на трон, должны были признать Магну Карту, что происходило вплоть до того времени, когда закончился период Средневековья.

Таким образом, Р. Саути выявляет себя человеком, способным видеть среди массы недостатков и грехов то светлое, что может стать основанием для благодарности.

Порой рассказы о монархах периода Средневековья сопряжены в творчестве Р. Саути с историческими событиями, повествующими о титанической борьбе отдельных героев за свободу. Об одном из таких героев – У. Уоллесе, воспетом в том числе и Р. Саути, Ч. Диккенс сказал, что тот будет увековечен в песнях и сказаниях до тех пор, пока существует английский язык, а Шотландия будет его помнить, пока простираются её озёра и стоят её горы [14;172].

В «Смерти Уоллеса» (*The death of Wallace*) Р. Саути рассказывает историю человека, боровшегося за свободу родной Шотландии и шотландцев против захватчиков-англичан под руководством Эдварда I.

Из истории известно, что ненавистный монарху У. Уоллес был в конце концов предан кем-то из своего окружения и его судили в Лондоне при большом стечении народа, обвиняя этого храброго человека в том, что он грабитель, убийца и предатель. Уоллес признал то, что он грабитель, т. к. забирал награбленное у английских войск. Он признал и то, что был убийцей, т. к. «убил кичливого англичанина». То, что он предатель, У. Уоллес признать отказался на том основании, что никогда не присягал на верность королю Англии и презирал саму эту затею. Р. Саути в своём произведении подчёркивает, как осознание правоты собственного дела приносило герою-титану облегчение даже перед лицом смерти:

*He called to mind his deeds
Done for his country in the embattled field;
He thought of that good cause for which he died,
And it was joy in death![21;365]*

Р. Саути указывает на то, что убили Уоллеса с особой жестокостью (*What though the hangman's hand//Graspt in his living breast the heaving heart*), но опускает подробное описание того, что голову убитого впоследствии повесили на высокий шест и установили на Лондонском мосту, правую руку отправили в Ньюкасл, левую – в Берик, ноги – в Перт и Абердин[14;172]. Однако, зная об этих событиях, Р. Саути говорит лишь о том, что король Эдуард I, избранный Всевышним повелевать и править на земле, будет обязательно судим Богом за пролитую им кровь:

*Unrivalled, unopposed,
Go, Edward, full of glory, to thy grave!
The weight of patriot blood upon thy soul,
Go, Edward, to thy God![21;365]*

Как видно из вышеприведённой цитаты, Р. Саути в очередной раз выступает в традиционной для романтиков роли защитника обездоленных. Однако ещё отчётливее это прослеживается в следующем произведении. Своим посвящением «Памятнику в Таунтоне» (*For a Monument at Taunton*) Р. Саути воскрешает в памяти трагические события, которые имели место в период царствования Английского короля Якова II, которого в произведении Р. Саути часто пренебрежительно называет “*that king*”, по аналогии с выражением “*that judge*”, употреблённого по отношению к его ставленнику и фавориту, судье Джеффрису(У Р. Саути – *The bloody judge, the minion of his king*). Именно

Джеффрис, под видом судопроизводства совершал ужасающие беззакония, о которых Р. Саути говорит следующим образом:

*THEY perish'd here whom Jefferies doom'd to death
In mockery of all justice, when he came
The bloody judge, the minion of his king,
Commission'd to destroy. They perish'd here,
The victims of that judge and of that king,
In mockery of all justice perish'd here,
Unheard! but not unpitied, nor of God
Unseen, the innocent suffered! not in vain
The widow and the orphan, not in vain
The innocent blood cried vengeance! [21;443].
(For a Monument at Taunton)*

Как видно из цитаты, события в Таунтоне, описанные Р. Саути, действительно были отмечены крайними проявлениями беззакония и жестокости со стороны верных слуг короля, желавшего во что бы то ни стало восстановить католицизм. Началось всё с того, что политические оппоненты Якова II, генерал Аргайл и герцог Монмут, сын короля Карла, отправились из Брюсселя в Роттердам, где встретились с шотландскими изгнанниками, чтобы составить общий план восстания. Аргайл должен был высадиться в Шотландии, а Монмут в Англии. Как известно, Аргайл начал действовать первым, на пять-шесть недель ранее своего сообщника Монмута. Не сумев собрать значительные силы и без поддержки достаточного количества влиятельных особ, Аргайл был предан своими сторонниками и впоследствии обезглавлен.

Высадившись в Англии, герцог Монмут поднял знамя на рыночной площади Лайма и объявил короля тираном и папистским узурпатором. Собрав около четырёх тысяч человек, он направился к Таунтону, где было много протестантов, яро ненавидевших католиков. Все жители, бедные и богатые вышли навстречу герцогу Монмуту, оказывая ему всяческие почести. Крестьяне под его началом сражались храбро, однако не могли противостоять лучше вооружённым и обученным солдатам короля. Люди Монмута разбежались, бежал и он сам, однако был найден и впоследствии казнён на Тауэр Хилле [1;447-449].

Жестокая расправа правительства с участниками мятежа уже вписала одну из самых чёрных и тягостных страниц в историю Англии. Однако король и этим не удовлетворился и натравил на мятежных крестьян полковника Кэрка, солдаты которого получили прозвище «агнцы Кэрка», т. к. на знамени их полка был изображён агнец – символ Христианства. Зверства этих солдат, беспощадно убивающих, разрушающих жилище и грабящих крестьян, потрясли своей жестокостью. Меж тем, король написал Кэрку, что «весьма удовлетворён им» [1;453].

Но ещё больше король был удовлетворён судьёй Джеффрисом, который вместе с ещё четырьмя судьями отправился на запад страны, чтобы судить всех, кого обвиняли хоть в какой-то причастности к мятежу. Король любезно назвал эти суды «кампанией Джеффриса», а жители тех мест запомнили их как «кровавые ассизы» (*Bloody Assize*). Ужасные беззакония и изуверства этого человека, отправляющего на мученическую смерть сотни невинных людей, нашли, тем не менее, полное одобрение со стороны короля, который сделал Джеффриса лорд-канцлером [1;455-459].

Р. Саути пишет о том, что кара божья не заставила себя долго ждать в отношении Джеффриса, который, переодевшись (в матроса–Л. К.), пытался спрятаться от людской мести:

<...> *for they rose,
At length, they rose, the people in their power,
Resistless. Then in vain that bloody judge
Disguised, sought flight: not always is the Lord
Slow to revenge! a miserable man
He fell beneath the people's rage, and still
The children curse his memory* [21;444].

Однако самосуда в реальности не произошло, как об этом пишет Р. Саути, т. к. достоверно известно, что Джеффрис был помещён в Тауэр, где в скорости и умер [1;479]. Отметим, что подобные неточности в интерпретации исторического материала у Р. Саути присутствуют, хотя они и единичны. Проиллюстрировать это можно цитатой о Генрихе Мартене в одном из посвящений Р. Саути. Этот человек, действительно, был прозван «цареубийцей» (*regicide*) за активное участие в вынесении смертного приговора королю из династии Стюартов Карлу I, против которого он лично составлял ложный компромат и обвинял монарха в суде. После Реставрации монархии сын Карла I, Карл II, наказал виновных в казни отца. Смертный приговор Мартену заменили на пожизненное заключение, однако этот человек находился в заключении в общем не тридцать, а двадцать лет, в том числе в Чепстоу – двенадцать, после отбывания наказания в одном из замков на севере Англии и в Виндзоре [16],[20]. Из текста произведения, и даже из самого его названия – (*Inscription For The Apartment In Chepstow Castle Where Henry Marten The Regicide Was Imprisoned Thirty Years*) [21;431-432] подобный вывод сделать никак нельзя. Не соответствует действительности и данная Р. Саути характеристика королей Георга III и Георга IV в «Заупокойной песне по принцессе Шарлотте Уэльской». Молодая женщина приходилась этим монархам внучкой и дочерью соответственно. Дед был ментально нездоров, поэтому нация с нетерпением ждала ему замены именно в лице Шарлотты, т. к. её отец не был популярен, и она часто с ним ссорилась, в том числе из-за партии вигов [13].

Однако вышеупомянутые особенности, ещё раз подчеркнём, не носят системный характер.

Возвращаясь к трагическим событиям при Таунтоне, послужившим Р. Саути материалом для написания художественного произведения, следует снова обратить внимание на лаконизм описаний, столь свойственный поэту. При этом следует подчеркнуть, что в творчестве Р. Саути предельной краткостью отмечены как хроники исторических событий, так и раскрываемые им образы самих монархов. Вот как, к примеру, поэт в данном посвящении пишет о так называемой «Славной революции» 1688-89гг., завершившейся свержением Якова II и утверждением на престоле Вильгельма III Оранского (*William III of Orange*) и его супруги Марии (*Mary*):

From his throne//The sullen bigot who commission'd him,//The tyrant James was driven.

Поясним, что короля свергли не в одночасье, т. к. отчаявшиеся подданные поначалу просто ждали смерти Якова, которая должна была ознаменовать конец курса на установление католицизма. Однако весть о том, что у короля родился сын, заставила парламент пойти на беспрецедентные меры и пригласить зятя Якова II, протестанта по вероисповеданию, завоевать корону его тестя.

В следующем отрывке Р. Саути очень кратко напомнил читателю и о кровавых событиях в Лондондерри, осаждаемом Яковом II в 1688-1689 гг., битву на реке Бойн в 1690 г., которая принесла победу будущему королю Вильгельму III, а также поражение французов во главе с бежавшим туда Яковом II силами голландского и английского флотов в 1692 г.:

<...> *He lived to drag
Long years of frustrate hope, he lived to load
More blood upon his soul. Let tell the Boyne,
Let Londonderry tell his guilt and shame,
And that immortal day when on thy shores.
La Hogue, the purple ocean dash'd the dead![21;444]*

Для иллюстрации второй части утверждения о том, что не только события, а и личности самих монархов охарактеризованы у Р. Саути преимущественно кратко и точно, обратимся к образу одного из наиболее одиозных властителей в истории Англии – королю Генриху VIII:

*Henry, too, hath here his part;//At the gentle Seymour's side.//With his best beloved
bride,//Cold and quiet, here are laid//The ashes of that fiery heart.//Not with his
tyrannic spirit,//Shall our Charlotte's soul inherit;//No, by Fisher's hoary head.//By
More, the learned and the good,//By Katharine's wrongs and Boleyn's blood,//By the*

life so basely shed//Of the pride of Norlolk's line.//By the axe so often red,//By the fire with martyrs fed.//Hateful Henry, not with fliee.//May her happy spirit be![21;455]

Как видно из приведённого выше отрывка, Р. Саути передал то обстоятельство, что похоронен этот монарх рядом со своей кроткой и самой любимой из всех его жён – Джейн Сеймур, которая, как известно, умерла в родах, подарив мужу в третьем его браке столь желанного наследника. Поэт также отметил, что Шарлота Уэльская, которой он посвятил эту поминальную песнь, не от Генриха унаследовала свой нрав. Как мы уже отмечали, действительно, исторические документы подтверждают тот факт, что она была горячо любима англичанами.

Поэт обвинил Генриха в смертях Фишера и Мура, а также в том зле, которое тот причинил своей первой жене – Катерине Арагонской, аннулировав свой с ней брак. Написал он и о казни второй жены монарха – Анны Болейн, подарившей королю во втором его браке дочь Елизавету, впоследствии ставшую королевой Елизаветой I. Следует заметить, что топор, который, как сказал Р. Саути, «*часто обагрался*», вызывает ассоциацию с ещё одной казнью жены короля – пятой по счёту – юной Кэтрин Ховард, приходившейся двоюродной сестрой Анне Болейн. Об этой казни, как видно из цитаты, поэт прямо не пишет, но автор подразумевает именно это событие, говоря о часто обагрившемся топоре и сокрушительном ударе гордому роду Норфолков, представительницами которого они были.

Подытоживая результаты исследования можно сделать вывод о том, что литературное наследие Р. Саути отличается очень тесное переплетение затрагиваемых им тем, близость идей отдельных поэтических произведений, неоднократное использование автором сходных сюжетов, мотивов, а также средств художественного описания. Эта особенность творчества поэта чётко прослеживается как на материале стихотворений, объединённых одной темой, так и в произведениях, в которых затрагиваются различные по своей сути проблемы. Поэтому, анализируя поэтические тексты Р. Саути, не представляется возможным дать исчерпывающую характеристику тому или иному явлению в его творчестве только лишь в соответствующем разделе (природа, религиозные мотивы и т. д.), не возвращаясь к этому снова и снова в ходе исследования других тем. Этим и обусловлено то, что, размышляя о властителях мира, Р. Саути в который раз проявит себя глубоко верующим человеком, хорошим знатоком истории и библейского текста, человеком наблюдательным, способным проводить параллели между жизнью человека и жизнью представителей растительного и животного мира, ярким поборником справедливости, защитником бедных.

Истории о монархах, которые попали в поле зрения Р. Саути, часто являлись следствием его повышенного интереса к периоду Средневековья, который, окутанный множеством легенд и наполненный противоречиями, давал Р. Саути невероятно разнообразный по своей сути материал для творчества. Там он

находил свидетельства чудесных историй, происходивших с королями, примеры их жестокости и кровожадности, подверженности чужому влиянию и т. п. А принцип историзма, положенный в основу поистине огромного числа произведений Р. Саути, позволяет даже в небольших по объему стихотворениях о монархах и событиях, с ними связанных, видеть руку признанного и сегодня мастера биографий и исторических хроник, среди которых «Жизнь Нельсона» (*The Life of Nelson, 2 vol.*), «История Бразилии» (*History of Brazil, 3pts*), «Жизнь Уэсли, появление и развитие методизма» (*The Life of Wesley; and the rise and progress of Methodism, 2 vol.*), «Книга Церкви» (*The Book of the Church, 2 vol.*), «Биографии британских адмиралов» (*Lives of the British Admirals, 5 vol.*) и многие другие.

Литература

1. Диккенс, Ч. История Англии для детей. A Child's History of England. –М.: Астрель, 2005.–511[1]с.
2. Советский энциклопедический словарь. –М.: Советская Энциклопедия, 1990.— 1632с.
3. McDowell, David. An Illustrated History of Britain.–Longman, 1989.–188p.
4. Southey, Robert. The Poetical Works of Robert Southey. Ten Volumes in One.– New York: D.Appleton & Co.,1839. – 810 p.
5. Алиенора Аквитанская и прекрасная Розамунда в живописи. http://www.liveinternet.ru/community/2281209/post_103484122/
6. Алиенора Аквитанская и прекрасная Розамунда. <http://pheaonae.livejournal.com/268113.html>
7. Жизнь Карла Великого. <http://www.biblioclub.ru/cats/main/book/45517/30>
8. Иосиф Флавий. Иудейские древности. Книга одиннадцатая. <http://www.vehi.net/istoriya/israil/flavii/drevnosti/11.html>
9. Карл I (король Англии) [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB_I_\(%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8C_%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B8\)#.D0.A1.D1.83.D0.B4_.D0.B8_.D0.BA.D0.B0.D0.B7.D0.BD.D1.8C](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB_I_(%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8C_%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B8)#.D0.A1.D1.83.D0.B4_.D0.B8_.D0.BA.D0.B0.D0.B7.D0.BD.D1.8C)
10. Паткуль, Иоганн Рейнгольд. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%82%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C_%D0%98%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%BD_%D0%A0%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B4.
11. Периандр: жизнь и учение. <http://mincao.livejournal.com/789855.html>
12. Хуана (Иоанна) I Безумная. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D1%83%D0%B0%D0%BD%D0%B0_I_%D0%91%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BC%D0%BD%D0%B0%D1%8F
13. Шарлотта Августа Уэльская. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%BE%D1%82%D1%82%D0%B0_%D0%90%D0%B2%D0%B3

- %D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0_%D0%A3%D1%8D%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F]).
14. Dickens, Charles. A child's history of England <http://www2.hn.psu.edu/faculty/jmanis/dickens/c~histor.pdf>
  15. First Book of Esdras. <http://ebible.org/bible/kjv/1Esdras.htm>
  16. Henry Marten, Regicide (1602-1680). <http://www.british-civil-wars.co.uk/biog/marten.htm>
  17. Kingly Chronology in the book of Ezra. <http://apologeticspress.org/articles/2701>
  18. Mariamne (second wife of Herod). [http://en.wikipedia.org/wiki/Mariamne_\(second_wife_of_Herod\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Mariamne_(second_wife_of_Herod))
  19. Notes and queries. King Charles' twelve golden rules. <http://nq.oxfordjournals.org/content/s3-III/63/215.2.extract>
  20. Sir Henry Marten (Regicide). [http://en.wikipedia.org/wiki/Henry_Marten_\(regicide\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Henry_Marten_(regicide))
  21. Southey, Robert. Joan of Arc, Ballads, Lyrics and Minor Poems. www.joanofarcballads00soutrich.pdf
  22. The King James Version of the Holy Bible. <http://www.bookbindery.ca/KJBIBLE.pdf>
  23. Word origin and history. <http://dictionary.reference.com/browse/autocrat>
  24. Word origin and history. <http://dictionary.reference.com/browse/pantisocracy>
  25. World English Dictionary. <http://dictionary.reference.com/browse/pantisocracy>

Аннотация

Размышления Р. Саути о властителях мира традиционно недооценивались в научной литературе о его творчестве, поэтому целью данной публикации было показать, что они всегда являли собой неотделимую часть литературного наследия поэта, будь то период его юношеского увлечения идеями радикализма или пора, когда он отстаивал свои, теперь уже консервативные взгляды. Созданные Р. Саути образы монархов Вавилона, Персии, Иудеи, Англии, Франции, Швеции, России, Пруссии и т. д., а также истории из их жизни, полнее раскрывают и личность самого автора, который предстаёт на страницах своих произведений как человек верующий, проповедующий христианские истины, тонкий психолог, взыскательный литератор, историк, ярый поборник справедливости, защитник бедных.

Ключевые слова: монархи, монаршие особы, Вавилон, Персия, Иудея, Англия, Франция, Швеция, Россия, Пруссия, человек, Бог, лапидарные описания.

Анотація

Міркування Р. Сауті про володарів світу традиційно недооцінювалися в науковій літературі про його творчість, тому метою даної публікації було

показати, що вони завжди являли собою невідемну частину літературної спадщини поета, як у період його юнацького захоплення ідеями радикалізму так і у пору, коли він відстоював свої, тепер вже консервативні погляди. Створені Р. Сауті образи монархів Вавилону, Персії, Іудеї, Англії, Франції, Швеції, Росії, Пруссії і т.д., а також історії з їхнього життя, повніше розкривають і особистість самого автора, який з'являється на сторінках своїх творів як людина віруюча, яка проповідує християнські істини, тонкий психолог, вимогливий літератор, історик, затятий поборник справедливості, захисник бідних.

Ключові слова: монархи, монарші особи, Вавилон, Персія, Іудея, Англія, Франція, Швеція, Росія, Пруссія, людина, Бог, лапідарні описи.

Summary

Southey's speculations about kings and queens are given close attention because of the fact that this aspect of his literary work has traditionally been underrated. It is shown that reflections about the rulers of the mankind have never lost their topicality with this lake-district poet irrespectively of his inclination towards radicalism in the youth or his later on metamorphosis into a vehement conservative. Images of the monarchs of Babylon, Persia, Judah, England, France, Sweden, Russia, Prussia, etc. and stories of their lives are part and parcel of Southey's literary heritage, where the author manifests himself as a psychologist, a sophisticated man of letters, a believer, a preacher, an outspoken adversary of the mighty, a champion of the poor, opposing all forms of injustice.

Key words: monarchs, royalties, Babylon, Persia, Judah, England, France, Sweden, Russia, Prussia, a man, the God, lapidary descriptions.

Стаття рецензована і рекомендована до друку д. ф. н., проф. Л. Г.Фрізманом.